

**Межрегиональный общественный совет
по развитию Музейно-мемориального комплекса Памяти жертв
политических репрессий в городе Екатеринбурге**

ОБРАЩЕНИЕ

в Управление по охране объектов культурного наследия Свердловской области
по первичному Анализу результатов обследования археологов и геофизиков
земельного участка у Старого Московского тракта, выделенного под строительство нового
биатлонного комплекса (около Екатеринбурга, Московский парк).

Анализ Отчетов Института истории и археологии («Технический отчет археологическое обследование (разведка) земельного участка, испрашиваемого под строительство многофункционального биатлонного комплекса по адресу: Свердловская область, город Екатеринбург, Московский лесопарк, проведенное в 2019 году», ответственный исполнитель С.А. Мишин) и Института геофизики УрО РАН (Отчет по научно-исследовательским работам и инженерно-геофизическому обследованию в границах земельного участка с кадастровым номером 66:41:0000000:107958. Екатеринбург. 2019 г., кол. авт.) опубликованных в составе Акта государственной историко-культурной экспертизы документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ на территории земельного участка (кадастровый номер 66:41:0000000:107958), отведенного под строительство многофункционального биатлонного комплекса по адресу: Свердловская область, город Екатеринбург, Московский лесной парк. Акт составлен федеральным экспертом – Брюховой Н.Г. (6.11.2019 г.).

Привел к следующим результатам:

1. - С нашей точки зрения, изначально выполнение основной задачи по проведению разведки на выявление могил с массовыми захоронениями на заказанном участке как проведение археологического обследования этой территории было определено неверно. Могилы жертв репрессий относятся ко времени в основном с середины 1930-х по 1950-е годы, а значит, данные объекты относятся к ведению исторических и этнографических сфер исследований, а не археологических. По федеральному закону ФЗ-73 («Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации») и его изменениям, к археологии относятся объекты старше 100 лет, что определено

дополняющими законами, например, ФЗ-245 от 2013 года («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», Ст.3., г). Таким образом, к археологической сфере влияния относятся объекты старше 1913 года. За прошедшие годы с момента принятия законов разъясняющих инструкций к нему не вышло, и до сих пор не понятно, установленная граница на 2013 год фиксированная или плавающая. Если принять последнюю трактовку закона, то и в этом случае на сегодняшний год к археологии можно отнести только объекты старше 1919 года.

- Поиск и исследования военных и неизвестных захоронений, связанных с войнами или массовыми репрессиями, по мнению Председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, руководителя федеральной межведомственной рабочей группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, М. А. Федотова, лучше всех уже много лет решают военные поисковики, изучающие различные захоронения и территории с наличием подобных объектов (Бутовский полигон – Москва, Дубровка – Воронежская область, и другие на просторах бывшего СССР – СНГ, например, работы в Тирасполе). Именно их он и призвал к большему участию в изучении таких сложных и ответственных объектов.

2. Если все-таки работы обозначены как археологическая разведка территории с предварительным получением Открытого листа в конце августа, то соответственно надо полноценно выполнять его требования, то есть выявлять все археологические объекты на выделенной территории. Заключение по итогам разведки дает право строителям огромного комплекса изменить вид этой обследованной зоны (фактически частично или полностью его переформировать, уничтожить прежний вид, в том числе разрушить почвенный слой). В действительности такой полноценной разведки, как мы считаем, проведено не было.

- Исследователи отмечают в Отчете известные данные о рядом расположенных известных археологических памятниках (ближайший у озера Здохня, в среднем в 0,5 км от участка обследования), но стоит упомянуть, что, в частности, территория Большого Екатеринбурга никогда сплошным тщательным археологическим исследованиям не подвергалась, в том числе по высоким берегам реки Исети (Верх-Исетского пруда) и по ее ближайшим притокам.

- Изначально были недостаточно глубоко проведены историко-архивные исследования, затрагивающие историю этого района. К примеру, всем исследователям, историкам и даже краеведам известно, что данная территория входит в земли Верх-Исетской дачи, выделенной ещё в начале XVIII века Верх-Исетскому металлургическому заводу. Эти земли были выделены для разработки разных природных ресурсов, а именно,

Квашнинского железного рудника (с начала 1720-х годов), для добычи строительного камня, песка, известняка, прочих материалов, в том числе для вырубki лесов на стройматериалы и жжения из него древесного угля для обеспечения заводских работ. Обследуемая территория входит в зону указанных разработок, там есть горнорудные выработки (карьеры, шурфы и т.п.), углежогные ямы и, конечно, места проживания, базирования самих тружеников – рудокопов, углежогов и так далее. Всем известно, что на таких местах формируется культурный слой, если и незначительный по мощности, то имеющий следы деятельности и сами артефакты. В Отчете заявлено, что «признаки культурного слоя *не зафиксированы*» (выделено авторами отчета). А их и не выявить на огромной площади рудника, разве что на местах проживания тружеников. Исследование рудника надо проводить иными методами, не характерными для классической археологии, по которым работали представители институтов.

- Таким образом, указанные объекты XVIII-XIX веков являются законно установленными объектами археологического наследия. К сожалению, представителями институтов это было проигнорировано, есть, к примеру, даже фраза о том, что на территории выявлено большое количество карьеров и ям, но, к удивлению, заявлено, что *«время создания карьеров достоверно не известно» (!?)*.

- Замечание к уровню проведения историко-архивных исследований. В Отчете есть сноска на интернет о том, что могилы жертв – это «ряды траншей 45х4х2 метра» (якобы от свидетелей – сотрудников НКВД, служивших там охранниками). На самом деле никто никогда научно не выявил, не зафиксировал, не изучил могилы длиной 45 метров и прочее, и о каком месте идет речь, непонятно: Мемориал или биатлонный комплекс «Динамо», но в Отчете это не учитывают, прописывая только расстояние до могил на Мемориале или каком-то другом месте.

3. - Южная граница обследуемой представителями институтов территории проходит по знаменитому Старому Московско-Сибирскому тракту, который формировался с начала XVIII века и имел на данном месте в разное время разные названия. Поэтому, без сомнения, прилегающие территории и сам старый тракт (особенно сохранившиеся первичные, древние его участки, не заасфальтированные в позднейшее время) несут в себе археологические следы его существования: это могут быть придорожные захоронения путников, следы их биваков, стоянок, иной деятельности. К месту будет упомянуть любителей истории, которые уже многие годы вместо ученых изучают такие объекты (окрестности старых дорог) с металлоискателями и нередко находят артефакты, в том числе относящиеся к археологии. Таких работ – обследований перспективного к выявлению археологического объекта (комплекса) – также не было проведено.

- Укажем и на то, что Старый Московский тракт, как и другие важные трассы, были местами важнейших событий Гражданской войны. На Урале активный этап этой войны относится к периоду 1917 – 1919 годов. Известно, что Старый Московский тракт был местом ожесточенных военных столкновений и иных процессов, кроме того, следы военных фортификаций периода захватов-освобождений Екатеринбурга, а соответственно и артефакты, уже были выявлены в непосредственной близости от обследуемой территории.

- Кроме того, известно, что в те годы на Старый Московский тракт вводили, расстреливали и там же закапывали своих политических, классовых противников власти Красной и Белой армий. Известны данные белых властей Екатеринбурга за 1918 год о выводе, расстреле и захоронении на месте красноармейцев и сочувствующих Советской власти на Старом Московском тракте двух групп, около 30 человек в каждой. При этом в одном случае указывается ориентир – «за Ломаной горой» (каменоломня или рудник?). Предполагаем, что были и другие подобные случаи. Эти захоронения также до сих пор не обнаружены (возможно, это место было несколько далее на запад от развилки Старого Московского и Чусовского трактов, то есть в сторону обследуемой территории).

- Работ по указанным объектам представителями институтов также проведено не было. Возникает предположение об их не полной компетенции по поиску и изучению подобных объектов. Последнее мнение подтверждает, например, одна из фотографий, данных в их Отчете. Это фотография железной коробки – один из помойных предметов, которые они взяли из многочисленных мусорных ям, найденных ими в этих местах. Но дело в том, что эта коробка называется «цинк» – оцинкованный железный ящик из-под патронов (предположительно для винтовки Мосина), который, вероятнее всего, относится к указанным выше событиям Гражданской войны, а возможно, и к массовым расстрелам). Это подтверждают и исследователи Гражданской войны на Урале – военные поисковики.

4. - Исследователи территории вели работы все же с учетом некоторых требований к археологическим исследованиям. Понятно, что основные объекты, которые исследовали археологи до сих пор – это археологические памятники с древнекаменного периода до средневековья (классические), но методики их разведок имеют свои, отработанные почти двумя столетиями практики, особенности. Например, перспективны для обнаружения древних памятников берега рек, озер, особенно их мысы, острова, стрелки рек или выделяющиеся на местности возвышенности, скалы, пещеры и так далее.

- Исследователи подошли к делу почти по требованиям археологических инструкций – по ним необходимо заложить один разведочный шурф размером 1x1 метр на 1 га, или не более 20 кв.м. при исследовательской разведке одного археологического памятника. В Отчете отмечено, что было заложено несколько большее количество шурфов и зачисток – 59 на площади 52 га. Для формального подхода этого достаточно. Отметим, что они были

заложены даже в небольшой части карьеров и ям («неопределенного времени»). При рассмотрении фотографий Отчета складывается впечатление, что зачисток несколько больше (возможно, из-за ракурса фото или малого заглубления). Полноценный шурф имеет размеры от 1х1 метр, но разрешается, если есть какие-нибудь ямы, обрывы, колеи, склоны, выворотни упавших деревьев, не копать полный шурф, а сделать одну метровую стенку срезку – зачистку. Кроме того, по археологической методике, если в шурфе нет следов культурного слоя и артефактов, то в Отчете дается фото лишь одной стратиграфической стенки. И это было ими учтено.

- Также из Отчета видно, что часть шурфов просто условно разбросана по лесу и склонам. Вероятно, не был проведен и анализ распространения особых небольших зон растительности, что важно, в частности, именно для поисков захоронений. При этом порой подобные разведки надо вести в определенные времена года, что позволяет по особенностям растительности выявлять такие объекты.

- Надо обратить внимание и на стратиграфическую глубину разведочных шурфов – это в основном 10-15 сантиметров (есть до 25 см). Специалисты знают, что если могила закладывается в зоне сформировавшегося культурного слоя (мощностью 0,5, 1, 2 и более метров), то в засыпке погребальной ямы в плане фиксируется смешанный слой – пестроцвет. То есть при копке могилы выброс, а потом и заброс состоит из смеси темного культурного слоя и материковых пород иного цвета (глина, щебень, скальник и т.д.), а если могила копается «в чистом поле», где даже есть дерн толщиной 5-10 см, то заполнение её будет одноцветным, естественно – материковым. Сходу (малыми зачистками и площадными расчистками, с незначительным заглублением) увидеть границы могильной ямы очень сложно. Определить такую могилу могут только подготовленные специалисты (в том числе и военные поисковики), нацеленные на такие поиски и имеющие опыт. В данном случае шурфы, особенно в «непонятных» ямах, пробиты на указанную минимальную глубину и остановлены при встрече с «материковыми породами», что в случае поиска могил недостаточно. Вообще мнение, бытующее среди людей, поверхностно интересующихся историей этой трагической территории, состоит в том, что могилы не могли копать в ямах и карьерах (здесь – в горнорудных выработках), так как там каменистый, скальный грунт. Это «не практично», как написано в Отчете: «Учитывая наличие «удобных» участков, выполнение захоронений в скальном грунте в плане трудозатрат видится не практичным». Осмотр, проведенный военными поисковиками по заказу Музея истории Екатеринбурга, говорит об обратном – во многих выработках Квашнинского рудника существуют рыхлые отложения, позволяющие скрывать там жертвы. Это известно и по другим историческим примерам, выявленным в ближайших местах (пример сокрытия тел членов царской семьи и их верных приближенных сначала на

Четырехбратском железном руднике, а затем попытка перепрятать их уже в шахте на Квашнинском руднике).

5. - Выделяем в отдельный пункт ещё одно «странное» отчетное заявление представителей двух институтов: «Испрашиваемый земельный участок находится в 0,8-0,9 км к СВ от места обнаружения захоронений жертв массовых репрессий конца 30-х годов XX века». Отметим, что вновь исследователи недостаточно внимательно отнеслись к историко-архивным исследованиям. Захоронения жертв репрессий проводились в этом районе по крайней мере с середины 1930-х годов и продолжались до начала 1950-х годов. Но другую их ошибку, вероятно, надо воспринимать как некоторое игнорирование, даже отрицание известных всем фактов (хотя они их вскользь упоминают, но расчеты делают другие, без их учета). Расстояние до ближайших массовых захоронений жертв политических репрессий от границы участка, выделяемого под строительство, составляет не 800-900 метров, как прописано в Отчете, а всего 260-270 метров (недалеко от входа в спорткомплекс). То есть исследователи «странно» не учли известный факт выявления массовых захоронений ещё в середине 1960-х годов при строительстве действующего биатлонного комплекса «Динамо». Можно догадаться, что были и другие случаи разрушения захоронений (вандализма), но они скрывались в советское время и настойчиво скрываются сейчас (например, новые строительства, смена и новые коммуникации и т.п.). Но представителям Общества «Мемориал», Ассоциации жертв политических репрессий и родственникам репрессированных известно примерное расположение места массовых захоронений на биатлонном с/к «Динамо», и от них расстояние до зоны планируемого строительства всего чуть более 250 метров.

6. При анализе работ геофизиков также возникают вопросы:

- Отметим, что они проводились на небольшом участке западной половины отведенного земельного участка, на северо-восточном (восточном), по данным Отчета, не проводились.

- Как следует из Отчета, популярный и разрекламированный в наше время прибор типа георадар использован не был, а именно он обычно может дать какие-нибудь результаты на местах некоторых исторических объектов. Надо думать, что это, с одной стороны, не было сделано по причине ограниченного времени исследований (и финансирования), а с другой – необходимыми требованиями для его использования: наличие относительно ровных площадей, пробивка линий – просек площадной сетки квадратов, и так далее (это лучше сработало бы в чистом поле или в городе, чем на пересеченной залесенной местности).

- Для выявления аномалий (поиска могил?) использовался прибор магнитометр. Он предназначен по основным направлениям для: исследования магнитного поля Земли и его

локальных возмущений; определения местоположения подземных коммуникаций; обнаружения скрытых ферромагнитных объектов, и так далее, – в общем, для глубинных изысканий. В чем-то его задачи немного перекликаются с глубинным металлоискателем, но у них разные принципы работы. Такие приборы обычно отсекают такие «мелочи», как, например, пули и тому подобное, но лучше показывают крупные предметы. Опять же, сложно сказать о качестве его работ на территории Квашнинского железного рудника, где земля на разных глубинах наполнена металлосодержащими породами, а также разбросанными кусками руды, потерянными при вывозке.

- Также разведчики использовали металлодетектор, итог работы с ним – ничего, относящегося к захоронениям, не найдено. Еще раз отметим упоминаемые исследователями мусорки, устроенные в небольших ямах. Они их не исследовали, а только сфотографировали отдельные помойки и некоторые предметы: бутылки, ведра, разный пластик и прочее. Но исследователи не поняли или не обратили внимания на то, что один из предметов – *цинк для патронов* (Точка А4.2) Становится также ясно, что исследования были проведены на ограниченных участках этой большой территории. К примеру, опытным российским военным поисковикам на одном из подобных объектов понадобилось более одного месяца, чтобы тщательно, но предварительно обследовать участок 50x100 метров, предположительно имеющий отношение к братским могилам. Важно отметить, что некоторые известные могилы в районах сокрытия жертв политических репрессий превращены именно в помойки – завалены мусором. Таким образом, и эти объекты надо было не просто фотографировать, но и изучать.

7. В результате общего анализа результатов Отчетов представителей двух институтов, выявлены некоторые серьезные нарушения, недоработки и недостаточный опыт (отсутствие спецквалификации) по выявлению и изучению искомым объектов. В то же время не проведены до конца именно археологические изыскания, в частности, по объектам периода с начала XVIII века по 1919 год. На основании этого считаем, что исследования неполноценны, недостаточны и могут привести к уничтожению как историко-этнографических объектов, так и объектов археологического наследия, вопрос выявления могил с групповыми захоронениями не закрыт.

8. Также надо обратить внимание на сложившуюся в Свердловской области ситуацию, при которой в сфере истории – археологии почти нет своих федеральных экспертов (два имеющихся в основном работают по Западной Сибири). Создатели Отчета обратились к эксперту, профессиональному археологу (тоже классическому) из Пермского края, который, не знает досконально ситуации в обследуемом районе и связанных с ним проблем. Эксперт, вероятно, опирался на саму форму Отчета, соблюдение соответствующих

инструкций и тому подобное, не подозревая о другой научной и исторической информации об этом печально знаменитом месте.

9. В заключение, настойчиво обращаем внимание на то, что представители общественности: члены Межрегионального общественного совета по развитию Музейно-мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий в городе Екатеринбурге, Общество «Мемориал», Ассоциация жертв политических репрессий и родственники жертв многократно, с начала проведения обследований представителями двух институтов, обращались к ним с предложением о совместном осмотре местности, чтобы иметь возможность по ходу их работы знакомиться с ней и по возможности помогать: подсказывать на месте какие-нибудь детали, вести надзор за этими изысканиями. Но положительного ответа не получали, мало того, в просьбе информировать представителей родственников жертв о ходе работ было отказано, как и в просьбе предоставить какие-нибудь документы, бумаги, информацию о тендере, об отчетных этапах, и так далее.

Мы требуем провести независимую экспертизу проведенного обследования, так как экспертиза в реальности проведена сотрудником филиала одного из институтов, проводивших это неквалифицированное исследование.

Думаем, что, если бы представители институтов пошли на сотрудничество, не пришлось бы вдогонку анализировать итоги их работ, выражать сомнения по поводу их итогов и опасаться за сохранность и изучение исторических и археологических объектов на территории будущего строительства, важного для развития спорта.

По вышеизложенным причинам, вполне естественно требование общественности о проведении квалифицированного полноценного исследования мест возможных захоронений, в том числе и на предполагаемой территории строительства нового биатлонного комплекса.

А. Г. Мосин, председатель Межрегионального общественного совета
по развитию Музейно-мемориального комплекса памяти жертв
политических репрессий в городе Екатеринбурге, д.и.н.,
председатель Уральского отделения Археографической
комиссии РАН, член комиссии Свердловской области
по восстановлению прав реабилитированных жертв
политических репрессий